

М.А. Карцева

Институт социального анализа и прогнозирования, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

Н.В. Мкртчян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социального анализа и прогнозирования, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

Ю.Ф. Флоринская

Институт социального анализа и прогнозирования, РАНХиГС при Президенте РФ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий

Аннотация. В России почти нет исследований, связывающих молодежную миграцию и события жизненного пути. В статье на основе репрезентативных количественных данных обследования «Человек, семья, общество», проведенного РАНХиГС в 2020 г., а также глубинных интервью с молодыми людьми, переехавшими в Москву, Санкт-Петербург, Томск и Воронеж для получения высшего образования, исследуется влияние межрегиональной миграции российской молодежи 23–34 лет на события жизненного пути. Под межрегиональными мигрантами в исследовании понимались индивиды, закончившие школу в одном регионе, а проживавшие на момент опроса в другом регионе. Полученные выводы позволяют оценивать миграцию как возможность для личного развития. Сравнение молодых мигрантов и немигрантов показало, что межрегиональная миграция оказывает заметное позитивное влияние на успешность карьеры, размер дохода, способствует большей самостоятельности и опоре на собственные силы, в том числе в решении жилищных проблем. Одновременно миграция слабо влияет на брачные стратегии, но способствует откладыванию времени рождения детей.

Ключевые слова: миграция, немигранты, молодежь, жизненный путь, Россия.

Классификация JEL: J11, R23.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7

1. Введение

В мире накоплен большой опыт исследования миграции молодежи, которая изучается в основном в контексте связи с событиями жизненного пути (life course) (Vidal, Lutz, 2018). Именно в молодом возрасте наиболее часто происходят события, в связи с которыми люди склонны менять место жительства. К ним прежде всего относят получение образования, выход из родительской семьи, первые партнерства и браки, рождение детей, начало профессиональной карьеры.

Первое самостоятельное переселение в жизни чаще всего совершается в целях получения образования (образовательная миграция, студенческая миграция, в западной литературе — «collegebound» (Plane, Heins, 2003)). С этой целью молодые люди перемещаются в крупные

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

города (Chen, Rosenthal, 2008) или поселения, где размещаются кампусы крупных университетов (Cooke, Boyle, 2011). Выбор направления миграции совершается под влиянием как репутации университета (Ciriaci, 2014), так и представлений об экономическом благополучии региона, где он располагается (Findlay, 2011), хотя экономические мотивы далеко не всегда являются доминирующими (Vakulenko, Mkrtchyan, 2020). По окончании обучения в колледже или университете наиболее распространенными мотивами переезда являются возвращение в родительский дом или поиск работы, с этой целью совершаются дальнейшие миграционные перемещения (Sage, Evandrou, Falkingham, 2013).

В молодом возрасте очень значимо на миграцию влияют факторы рынка труда: поиск рабочего места, соображения успешного карьерного роста и т.п. С этой целью молодые люди перемещаются в так называемые эскалаторные регионы, концепцию которых предложил Э. Филдинг на примере Юго-Восточной Англии (Fielding, 1992). При этом многие выпускники стремятся остаться в тех местах, где учились (Hickman, 2009), если в этих местах есть благоприятные возможности для работы и трудовой карьеры. Появилось понятие «lifestyle migration», которое применимо к растущему числу людей, которые принимают решение о миграции на основе своего убеждения в том, что в других местах (например, крупных городах) им доступен более насыщенный образ жизни (Benson, O'Reilly, 2009). Для молодых высокообразованных людей на старте карьеры важны культурная среда и возможности для отдыха (Whisler et al., 2008) с более развитой деловой средой (Chen, Rosenthal, 2008). Миграционные ориентации выпускников могут различаться в зависимости от полученной специальности (Faggian, Comunian, Li, 2014), подобные различия в послевузовской миграции отмечают исследователи и в России (Замятина, 2012).

Наконец, на стадии создания семьи, рождения и воспитания детей миграционные стратегии молодежи (в возрасте около 30 лет) могут вновь меняться. На данной стадии жизненного цикла люди начинают отдавать предпочтение не столько крупным городам, сколько их пригородам или небольшим городским поселениям. Особенно часто переезд в данном направлении свойствен высокообразованным людям, а также людям творческих профессий (Sandow, Lundholm, 2019).

Межстрановые сравнения миграции показывают, что пик интенсивности миграции в молодом возрасте характерен для всех стран, но в части этих стран (например, в Китае), где жизненные траектории молодых людей достаточно однообразны, он смещен к самым молодым возрастам (18–20 лет); в других же этот пик растянут или смещен к более старшим возрастам (Bernard, Bell, Charles-Edwards, 2014). Возрастные особенности миграции сближают Россию не столько с европейскими странами, сколько с Китаем (Карачурина, Мкртчян, 2017). Отличие России от многих стран состоит в том, что многие события жизненного цикла (окончание школы, поступление в вуз, начало професси-

ональной деятельности) наступают несколько раньше, чем, например, в странах Европы. Подавляющее большинство молодых людей поступают в вузы сразу после окончания школы, в возрасте 17–18 лет (Kashnitsky, Mkrtychyan, Leshukov, 2016). К 23–24 годам основная доля молодых людей заканчивает обучение, с этим возрастом часто связаны следующие события: возвратная миграция в регион, откуда они родом; переезд в регион, где они находят работу и начинают делать карьеру. Значительная часть молодежи начинает трудовую деятельность в том регионе, где они получали образование, т.е. окончание обучения может не сопровождаться выездом из региона. К возрасту 24–25 лет обычно совершается окончательный выход взрослых детей из родительского дома (Долгова, Митрофанова, 2015), это — достаточно важный этап жизненного пути, часто связанный с миграцией (Pelikh, Kulu, 2018).

В России межрегиональная миграция молодежи изучалась в основном в контексте образовательной миграции, миграции выпускников школ (Габдрахманов, Никифорова, Лешуков, 2019). Большое распространение получила миграция молодежи из малых городов (Флоринская, 2017); для многих семей это — заранее продуманная стратегия переезда в крупные города (White, 2009). Изучается потенциальная миграция выпускников вузов, которая оценивается в 30–33% намеревающихся мигрировать в пределах России и 5–7% — за рубеж (Варшавская, Чудиновских, 2014).

К возрасту 25 лет подавляющее большинство россиян входят в возраст высокой экономической активности, создания семей и деторождения. Средний возраст вступления в первый брак в России в 2011 г. составлял у женщин 25,0 лет, у мужчин — 27,4 года (Население России..., 2013), и он продолжает расти; 27,7 лет — средний возраст матери при рождении первого ребенка. Таким образом, с возраста 25 лет миграция может быть тесно связана как с поиском работы и карьерой, так и с поиском жилья для увеличившейся семьи (Geist, McManus, 2008).

Миграция в молодых возрастах зачастую является конкурирующим событием с иными событиями жизненного пути, и не только применительно к международным, но и внутривосточным переселениям. В демографической литературе миграция рассматривается как событие, прерывающее нормальный ход жизненного цикла индивида (Захаров, Сурков, 2017; Казенин, 2017). Адаптация на новом месте, решение жилищных и иных проблем могут служить причиной откладывания времени вступления в брак и рождения детей (Cantalini, Panichella, 2019; Lindstrom, Hernandez-Jabalera, Giorguli Saucedo, 2020), распада союзов (Boyle et al., 2008), изменения календаря иных жизненных событий. Самостоятельный переезд в молодом возрасте ведет к большей самостоятельности, может способствовать более быстрому развитию карьеры и росту заработной платы, чем у тех молодых людей, кто не участвовал в миграции.

В России вопросы межрегиональной миграции на жизненной стадии, наступающей после получения образования, изучены мало и фрагментарно. Насколько нам известно, почти нет исследований, связывающих молодежную миграцию и события жизненного пути (единственное исключение – упомянутые выше работы по влиянию миграции на репродуктивное поведение). В этой статье на основе количественных и качественных социологических данных мы намерены подтвердить или опровергнуть гипотезу, что межрегиональная миграция заметно влияет на развитие молодых людей, на очередность и время наступления многих ключевых событий жизненного пути. В наши задачи входит оценить, насколько успешны или неуспешны молодые внутренние мигранты на рынке труда и в плане личного роста, приходится ли им откладывать наступление таких важных событий жизненного пути, как вступление в брак и рождение детей.

2. Данные, описательные статистики

В разделе описана эмпирическая база исследования, сформулированы основные принципы построения ключевых переменных, приведены описательные статистики.

2.1. Данные

Эмпирической основой количественного анализа являются данные социологического обследования «Человек, семья, общество», проведенного РАНХиГС в 2020 г. (далее – ЧСО-2020). Целевой группой исследования являются граждане России в возрасте от 18 до 72 лет. Обследование было проведено методом телефонного интервью на основе случайной систематической стратифицированной двухосновной выборки номеров стационарных и мобильных телефонов. Охват обследования составляет 9500 человек. Полученные данные репрезентируют население России по полу, возрасту и типу поселения.

Данные ЧСО-2020 содержат подробную информацию о социально-демографических и экономических характеристиках индивида и его домохозяйства, особенностях его занятости, условиях проживания, о его репродуктивном поведении и образе жизни. Важной особенностью ЧСО-2020 является наличие информации о миграционной истории респондентов. В частности, в ходе обследования были определены место (регион, тип населенного пункта) рождения респондента, место окончания школы, место получения профессионального образования и место проживания на момент опроса. Таким образом, данные ЧСО-2020 предоставляют уникальную возможность изучения жизненного пути индивидов в контексте молодежной миграции.

Дополнительным источником информации о связи миграции с событиями жизненного пути послужили глубинные интервью с молодыми людьми, совершившими образовательную миграцию в пределах России. В 2020 г. было взято 24 интервью с информантами 23–34 лет, уже получившими высшее образование любого уровня (бакалавриат,

магистратура или специалитет) в Москве, Санкт-Петербурге, Томске, Воронеже и при этом окончившими школу не в этих городах. Выбраны города, являющиеся центрами регионов, притягивающих межрегиональных учебных мигрантов (как показывают исследования (Kashnitsky et al., 2016; Габдрахманов и др., 2019)); при этом стратегии выбора конкретного города молодыми людьми были индивидуальными, что представляло отдельный исследовательский интерес.

Интервью проводились по скайпу или по телефону под запись на диктофон. В качестве опорного опросного инструмента использовался гайд, состоявший из 12 блоков, посвященных в том числе формированию установок на учебную миграцию, выбору специальности и города обучения, карьере после окончания вуза, жилищным условиям, возможностям и условиям возвращения в родные города, влиянию миграции на жизненные установки и реальные события на жизненном пути информантов.

2.2. Построение переменных. Описательные статистики

Основным фокусом исследования является изучение особенностей жизненного пути межрегиональных молодежных мигрантов и остальных индивидов (немигрантов). Индивид признается межрегиональным мигрантом, если он окончил школу в одном регионе, а проживал (на момент опроса) в другом регионе. Из выборки были исключены люди, окончившие школу не в России, так как для них статус межрегиональной миграции не может быть определен.

Изучение молодежной миграции в России обычно предполагает анализ миграционной активности населения в возрасте от окончания 9 (11) классов школы до 35 лет. В нашем исследовании выборка была сужена до населения в возрасте от 23 до 34 лет. Подобное ограничение объясняется тем, что индивиды в возрасте до 22 лет обычно еще не закончили образование, что может существенно отразиться на наблюдаемых характеристиках жизненного пути – незавершенность этого важнейшего этапа не позволяет говорить об остальных. В результате итоговый размер выборки составил 1930 человек, среди которых 320 (16,1%) – межрегиональные мигранты.

В табл. 1 представлены основные социально-демографические характеристики межрегиональных мигрантов и немигрантов в возрасте от 23 до 34 лет. Гендерная и возрастная структуры мигрантов и немигрантов практически не различаются. Мигранты по сравнению с немигрантами чаще проживают в городах. Среди мигрантов в городах живут 85%, доля городских жителей среди мигрантов несколько ниже – 74%. Каждый четвертый (27%) мигрант в рассматриваемой возрастной группе проживает в мегаполисе (в Москве или в Санкт-Петербурге), среди немигрантов в мегаполисах проживают только 7%. Также заметные различия наблюдаются в образовательной структуре мигрантов и немигрантов: среди мигрантов отмечается более высокая

доля людей с высшим образованием, чем среди немигрантов (53 против 40%), а доля лиц со средним профессиональным образованием, наоборот, – ниже (26 против 41%). Наблюдаемые различия в поселенческой и образовательной структурах в большой степени связаны с доминирующим направлением миграционных потоков (в города, в мегаполисы), а также с тем, что существенную часть молодежной миграции составляет образовательная миграция.

Таблица 1

Основные демографические характеристики межрегиональных мигрантов и лиц, не являющихся межрегиональными мигрантами, 23–34 года

Показатель	Тип миграции	Межрегиональные мигранты, %	Немигранты, %
Пол			
Доля женщин		46,9	48,8
Возраст			
Средний возраст, лет		29,2	29,0
23–28 лет		42,0	41,8
29–34 лет		58,0	58,2
Место проживания			
Проживают в мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург)		26,7	6,6
Проживают в городах		85,4	74,1
Образование (наивысший достигнутый уровень)			
Общее среднее образование и ниже		16,5	14,7
Начальное профессиональное		4,6	4,5
Среднее профессиональное		25,7	41,2
Высшее профессиональное		53,3	39,6

Источник: ЧСО-2020.

3. Результаты и их обсуждение

В России на миграцию в возрасте 15–34 лет приходится 47% внутривосточных переселений, в том числе на возраст 23–34 года – 30%. Отметим, что статистика долговременной миграции фиксирует не все переселения, а только те, которые сопровождаются регистрацией по месту жительства (пребывания). Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г. к возрасту 33 лет половина жителей России проживали не там, где родились, т.е. имели по крайней мере однократный опыт переезда, который быстро накапливается именно в молодом возрасте. В молодых возрастах отмечается пик активности во временной миграции, в том числе связанной с работой в других регионах (Мкртчян, 2018).

Доминирование учебной миграции в самых молодых возрастах позволяет подтвердить статистика причин миграции, которую разрабатывает Росстат в ходе текущего учета миграции. Учебная миграция – во многом предопределенный процесс, связанный с тем, что многие жители сельской местности, малых и средних городов не имеют возможности получать высшее профессиональное образование (а зачастую – и среднее по выбранной специальности) без переезда, хотя бы на время, в крупный город или другой регион. Распределение межрегиональных мигрантов по причине смены места жительства/пребывания представлено в табл. 2. Но уже к возрасту 25–29 лет почти 30% переселений связаны с работой и почти половина – с причинами личного, семейного характера. Ограничения статистики причин миграции не позволяют выявить весь спектр конкретных мотивов миграции, указываемых в этой группе, но видно, что важной причиной миграции является также приобретение жилья. В целом данные показывают, что от однообразия мотивов миграции в возрасте 18–19 лет к более старшему возрасту миграционные траектории усложняются. С помощью миграции индивиды пытаются скорректировать жизненные стратегии и не только достичь экономических преимуществ, но и субъективного благополучия (Nowok et al., 2013).

Таблица 2

Межрегиональные мигранты в возрасте 18 лет и старше по причине смены места жительства, 2016–2019 гг., %

Причина смены места жительства	18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–39 лет	30–34 года (2019**)
Все причины (кроме возвращения после временного отсутствия* и не указавших причину)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе сменили место жительства в связи:					
с учебой	74,6	26,4	2,3	0,7	0,9
с работой	2,8	21,9	25,6	22,2	24,7
с возвращением к прежнему месту жительства	0,9	2,3	3,1	3,5	3,2
с обострением межнациональных отношений	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
с обострением криминогенной обстановки	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
с экологическим неблагополучием	0,1	0,2	0,4	0,6	0,6
с несоответствием природно-климатическим условиям	0,1	0,2	0,4	0,7	0,7
с причинами личного, семейного характера, всего	17,1	37,8	48,6	48,9	48,0

Окончание таблицы 2

Причина смены места жительства	18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–39 лет	30–34 года (2019 ^{**})
В том числе в связи:					
с переменной места работы супруги(а)	0,3	2,7	4,0	3,5	3,9
с вступлением в брак	0,7	3,5	4,1	2,4	2,9
с переездом к детям	0,0	0,1	0,1	0,2	0,2
с переездом к родителям	3,1	3,8	3,1	2,7	3,0
Иные причины, всего:	4,5	11,1	19,6	23,4	21,8
в том числе приобретение жилья (покупка, наследование т.п.)	0,9	2,9	7,0	8,6	15,0

* Причина приписывается автоматически всем, у кого заканчивается срочная регистрация по месту пребывания.

** В другие годы эта возрастная группа в статистике не выделялась.

Источник: Росстат, текущий учет.

При анализе данных опроса ЧСО-2020 у нас не было возможности разделить респондентов по конкретным мотивам (причинам) миграции, поэтому приведенная статистика Росстата помогает понять, что двигало молодыми людьми, попавшими в группу межрегиональных мигрантов, и как это попадание сказалось на дальнейших событиях их жизненного пути. Получается, что к возрасту 23 года у многих из них есть опыт учебной миграции, по мере их дальнейшего взросления накапливается опыт иных переездов. Мы задаемся вопросом, какие издержки они несут и каких успехов достигают в сравнении с теми, чьим выбором было жить там, где родились и закончили школу.

Анализ характеристик жизненного пути межрегиональных мигрантов и немигрантов основан на различных показателях их занятости, доходов, жилищных условий, семейно-брачного статуса, репродуктивных намерений. Выбор конкретных показателей обуславливается целями и задачами исследования, а также особенностями эмпирической базы. Использован метод сравнения средних значений. Проверка значимости различий между группой межрегиональных мигрантов и группой лиц, не являющихся межрегиональными мигрантами, проводится с помощью теста Стьюдента на равенство средних. Исследование проводится как для молодежи в целом, так и отдельно для группы молодежи с высшим образованием.

Сравнение групп межрегиональных мигрантов и немигрантов прежде всего показывает, что они различаются успешностью построения карьеры (табл. 3)², причем эта разница является статистически значимой как для молодежи в целом, так и для молодых людей, имеющих высшее образование.

² Здесь и далее в таблицах мы приводим оценки для двух категорий – всех респондентов и респондентов с высшим образованием.

Таблица 3

Характеристики занятости межрегиональных мигрантов и немигрантов

Показатель \ Тип миграции	Мигранты	Немигранты	Разница	Стандартная ошибка	95%-ный доверительный интервал
Молодежь 23–34 года					
Занимает руководящую должность, доля	0,352	0,206	0,145***	0,029	[0,088;0,203]
Средняя заработная плата, ПМ	3,633	2,925	0,708***	0,195	[0,326;1,090]
Зарплата до 1ПМ, доля	0,036	0,064	-0,028*	0,017	[-0,062;0,005]
Зарплата выше 5 ПМ, доля	0,186	0,094	0,092***	0,022	[0,048;0,136]
Молодежь 23–34 года с высшим образованием					
Занимает руководящую должность, доля	0,367	0,243	0,124***	0,040	[0,046;0,203]
Средняя заработная плата, ПМ	4,174	3,366	0,808***	0,311	[0,197;1,419]
Зарплата до 1ПМ, доля	0,029	0,041	-0,012	0,018	[-0,047;0,024]
Зарплата выше 5 ПМ, доля	0,282	0,133	0,148***	0,034	[0,081;0,216]

Примечание. В таблице символами «***», «**», «*» отмечены оценки, значимые на уровне 1, 5 и 10% соответственно. ПМ – прожиточный минимум.

Источник: ЧСО-2020.

Мигранты чаще занимают руководящую должность³ и имеют более высокую заработную плату. Среди работающих мигрантов руководящую должность занимают 35%, а среди немигрантов – только 21%. Средняя заработная плата молодых мигрантов составляет 3,6 регионального прожиточного минимума⁴ (далее – ПМ). У немигрантов величина средней заработной платы на 0,7 ПМ ниже – 2,9 ПМ. 19% занятых мигрантов получают высокую заработную плату (более 5 ПМ), для немигрантов аналогичный показатель в два раза ниже (9%). Примерно такое же соотношение среди имеющих высшее образование мигрантов и немигрантов, хотя у них чуть более выраженная разница по размеру заработной платы в ПМ и в долях по имеющим заработную плату выше 5 ПМ.

О связи успешности карьеры и миграционного опыта говорили и опрошенные в ходе глубинных интервью информанты:

«Я не знаю, к какому себя классу можно относить, я так не меряюсь, но я понимаю, все, что у нас есть, это мы все сделали сами, и я этим очень гор-

³ Факт наличия у респондента руководящей должности определялся на основании ответа на вопрос анкеты «Занимаете ли Вы какую-нибудь руководящую должность в организации / на предприятии?». При этом определение руководящей должности не давалось, респондентам предлагалось самим определить характер их занятости.

⁴ Для обеспечения региональной сопоставимости номинальная величина заработной платы была скорректирована с учетом величины регионального прожиточного минимума (ПМ) за II квартал 2020 г.

жусь. Я понимаю, что есть кейсы в разы успешнее, сто процентов есть, но понимаю, откуда я стартовала, из сельской школы, я понимаю, это не так мало, может я хвастаюсь» (А., 32 г., Красногорское, Республика Удмуртия – С.-Петербург);

«Миграция происходит тогда, когда тебе хочется большего уровня. Из маленького города я переехала в Томск, сейчас у меня желание переехать в столицу. Эта миграция для повышения уровня. У меня был период, когда мне предлагали создать свою кафедру и возглавить. А сейчас я еще председатель Союза реставраторов Томского отделения. Я – кандидат наук, я чего-то добилась» (Ю., 33 г., Воткинск, Республика Удмуртия – Томск).

Миграция не просто помогает построению карьеры, но в отдельных случаях служит ее необходимым условием:

«Именно в моем случае было важно переехать, если бы я осталась, шансы были бы малы, у меня таких знакомств нет, чтобы устроиться на хорошее место, а тут больше возможностей для старта, развития, ну и заработок больше. Я просто знаю, какие там зарплаты... (Т., 28 л., Горно-Алтайск, Республика Алтай – Томск – Москва)».

Количественные данные показывают, что различаются не только уровни заработных плат самих мигрантов и немигрантов, но и подушевые доходы их домохозяйств – на 0,7 ПМ (табл. 4). При этом жилищные условия в группе мигрантов несколько хуже, чем у немигрантов, они чаще живут не в отдельном жилье (разница на 4 п.п. – для всех респондентов и на 7 п.п. – для респондентов с высшим образованием) и менее удовлетворены своими жилищными условиями (хотя разница статистически значима только для респондентов с высшим образованием).

Таблица 4

Жилищные условия и подушевой доход домохозяйств, межрегиональные мигранты и немигранты

Тип миграции Показатель	Мигранты	Немигранты	Разница	Стандартная ошибка	95%-ный доверительный интервал
Молодежь 23–34 года					
Проживает с родителями, доля	0,104	0,269	-0,164***	0,026	[-0,216;-0,113]
Проживает в коммунальном (не отдельном) жилье, доля	0,090	0,049	0,041***	0,014	[0,013;0,069]
Удовлетворенность жилищными условиями (1 – отличные; 5 – очень плохие), средняя оценка	2,406	2,388	0,018	0,048	[-0,075;0,112]
Подушевой доход ДХ, ПМ	2,495	1,749	0,746***	0,136	[0,479;1,013]
Молодежь 23–34 года с высшим образованием					
Проживает с родителями, доля	0,070	0,268	-0,198***	0,033	[-0,265;-0,132]

Окончание таблицы 4

Показатель \ Тип миграции	Мигранты	Немигранты	Разница	Стандартная ошибка	95%-ный доверительный интервал
Проживает в коммунальном (не отдельном) жилье, доля	0,096	0,027	0,069***	0,016	[0,037;0,101]
Удовлетворенность жилищными условиями (1 – отличные; 5 – очень плохие), средняя оценка	2,393	2,288	0,104*	0,061	[-0,015;0,223]
Подушевой доход ДХ, ПМ	2,740	2,049	0,691***	0,169	[0,360;1,022]

Примечание. В таблице символами «***», «**», «*» отмечены оценки, значимые на уровне 1, 5 и 10% соответственно.

Источник: ЧСО-2020.

С одной стороны, жилищная ситуация у мигрантов хуже, чем у немигрантов, но, с другой стороны, данные свидетельствуют об их большей самостоятельности – только каждый десятый межрегиональный мигрант проживает вместе с родителями, тогда как среди немигрантов таких почти 27%. Еще выше разница в подгруппе респондентов, имеющих высшее образование, – почти 20 п.п.

О миграции как о событии, стимулирующем вступление во взрослую жизнь, опору на собственные силы, говорили и участники глубинных интервью:

«Более самостоятельным человек становится, потому что даже неважно, где он живет, съёмное, не съёмное, с подругой или с парнем, он уже отрывается от родителей... Есть одноклассники, которые до сих пор живут с родителями. Глядя на них, я могу точно сказать, что эта жизнь с родителями такое количество времени, начинает их к ним конкретно привязывать (Ю., 28 л., Липецк – Томск)».

Возможно также, необходимость самостоятельно решать жилищную проблему дополнительно подталкивает мигрантов искать лучшие рабочие места с большим заработком, хотя, судя по глубинным интервью, эта проблема не стоит у молодых мигрантов на первом месте. Для многих информантов – участников интервью основной проблемой было именно найти работу, соответствующую их представлениям о начале успешной карьеры и дающую возможность поначалу арендовать жилье. О самой жилищной проблеме они упоминали реже, она была вторичной:

«Если ты хочешь конкретную работу, например в конкретной компании, тогда нужно постараться, резюме, документы собрать, подготовиться, как следует. В этом плане, мне кажется, даже не от города зависит, в любом городе, если ты хочешь определенную работу найти, тебе нужно постараться. С жильем в принципе в Москве проблем нет. Рынок очень развит. Главное – чтобы деньги были, а жилье найдется (Т., 28 л., Горно-Алтайск, Республика Алтай – Томск – Москва)».

Таблица 5

Брачные и партнерские отношения, межрегиональные мигранты и немигранты, молодежь 23–34 года⁵

Показатель \ Тип миграции	Мигранты	Немигранты	Разница	Стандартная ошибка	95% -ный доверительный интервал
Состоит в зарегистрированном браке, доля	0,417	0,443	-0,026	0,031	[-0,086; 0,034]
Состоит в партнерстве (брак не зарегистрирован), доля	0,163	0,142	0,021	0,022	[-0,021; 0,064]
Нет партнера, доля	0,419	0,415	0,004	0,031	[-0,055; 0,064]

Источник: ЧСО-2020.

На фоне полученной количественной разницы в успешности карьеры и размере доходов мигрантов и немигрантов данные опроса ЧСО не позволяют утверждать, что миграция заметно влияет на брачные стратегии молодежи (табл. 5). Среди мигрантов чуть ниже доля состоящих в зарегистрированном браке и чуть выше – в партнерстве, при этом в обоих случаях разница не является статистически значимой.

Миграция не отменяет вступления в партнерские союзы и официальные браки (хотя заключение последних может несколько сдвигаться во времени), и это подтверждают глубинные интервью с молодыми мигрантами:

«В аспирантуре мы начали встречаться с моей нынешней... Мы с женой, тогда еще моей девушкой, решили съезжаться, ну собственно летом мы съехались, сняли квартиру, в которой до сих пор живем (М., 29 лет, Волгоград – Санкт-Петербург)»;

«Да, примерно год я снимала комнату, потом я съехала с молодым человеком в Петербурге и некоторое время жила с ним (Э., 29 лет, Москва – Санкт-Петербург)».

Если все же происходит откладывание официального вступления в брак, то, судя по интервью, на это влияют материальные условия, неустойчивость положения в начале карьеры или вовремя образовательной миграции:

«Социально-бытовые условия могут повлиять. Если после миграции нет своего жилья, а до этого ты жил в своем жилье, то можешь отложить свадьбу, например (Д., 32 года, Сосновый Бор, Ленинградская область – Москва)»;

«У нее был парень из Брянска, я так понимаю, они там что-то планировали, но естественно, когда они приехали в Воронеж, уже все планы отпали, и они поженились, когда она выпустилась (Е., 25 лет, Карачев, Брянская обл. – Воронеж)».

⁵ Поскольку разница ни по одному из показателей, приведенных в таблице, не оказалась статистически значимой, мы не приводим отдельные данные по молодежи с высшим образованием.

Миграция одновременно расширяет спектр поиска партнера, в результате возникают партнерства, а в будущем и браки между двумя людьми, у которых без миграционного опыта просто не было бы шансов встретиться:

«У меня есть много знакомых, несколько, кто нашли свою семью, в смысле мужа или жену, уехав, будучи в отъезде, мигрировав куда-то. И очень часто как раз это – пары, которые состоят из двух мигрантов. Они оба мигрировали, и в одном месте нашли, как мы, например (А., 29 лет, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл – Санкт-Петербург)».

Если по брачным стратегиям мигранты и немигранты почти не отличаются, то данные о рождении детей позволяют указать на статистически значимую разницу между этими двумя группами (табл. 6). Только 45% мигрантов имели детей на момент опроса, в отличие от 57% немигрантов (разница 11,9 п.п.; для респондентов с высшим образованием – 9,1 п.п.). По числу детей в расчете на человека разница также не в пользу мигрантов; при этом для всех респондентов она больше, чем для имеющих высшее образование.

«Я от них отличаюсь, наверно. Первое – у меня нет двоих детей. Многие из моих одноклассников имеют семьи – такой момент (Ю., 33 года, Воткинск-Томск)».

В глубинных интервью информанты прежде всего делали упор на откладывание рождений в связи с миграцией:

«Разве что приходит в голову какие-то представления о времени, когда следует выходить замуж и когда рожать детей. В школе естественно, ... я думала, что нормальный возраст для замужества – это лет восемнадцать–двадцать, и в целом в этом возрасте можно рожать детей. С замужеством у меня все получилось, то есть я вышла замуж в 23 года, чуть задержалось, а вот с рождением детей, то, что я вижу и различные истории семей академических, я понимаю,

Таблица 6

Наличие и число рожденных детей, межрегиональные мигранты и немигранты

Тип миграции Показатель	Мигранты	Немигранты	Разница	Стандартная ошибка	95%-ный дове- рительный интервал
Молодежь 23–34 года					
Наличие детей, доля	0,450	0,569	-0,119***	0,031	[-0,179; -0,059]
Число детей, человек	0,734	0,994	-0,260***	0,067	[-0,391; -0,129]
Молодежь 23–34 года с высшим образованием					
Наличие детей, доля	0,448	0,539	-0,091***	0,041	[-0,171; -0,010]
Число детей, человек	0,715	0,845	-0,130*	0,077	[-0,280; 0,021]

Примечание. В таблице символами «***», «**», «*» отмечены оценки, значимые на уровне 1, 5 и 10% соответственно.

Источник: ЧСО-2020.

что не обязательно рожать детей сразу, можно попозже (А., 29 лет, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл – Санкт-Петербург)»;

«Когда я приехал в Петербург, начал работать, почувствовал, как зарабатываются деньги и как можно жить вне семьи, вне своего собственного дома, я несколько пересмотрел свои взгляды, нужно планировать, сразу заводить ребенка это безумство. Вот как-то так и жена моя примерно как-то так, наверное, мыслит. Мы с ней в этом сходимся (М., 29 лет, Волгоград – Санкт-Петербург)».

Подчас откладывание рождения детей связано с большими, по сравнению с родными городами, сложностями в решении жилищной проблемы:

«Единственное, что я мужу условно сказала, что я не буду рожать, пока мы живем на съемном жилье, если тебе надо, а он меня просто старше, чтоб вы понимали, поэтому он был инициатором декрета, не я, я не сильно была инициатором. Это единственное мое условие было. Мне нужно жилье, я не хочу жить на съеме и быть при этом в декрете (А., 32 года, Красногорское, Республика Удмуртия – Санкт-Петербург)».

Некоторые информанты говорили о миграции как о способе вырваться из консервативной среды, с ее требованиями к раннему браку и раннему же рождению детей. В результате следствием переезда, особенно в мегаполисы, с их более поздним рождением детей и социально приемлемым отношением к бездетности (Малева, Тындик, 2014), может становиться откладывание рождений, сокращение числа рожденных детей или вовсе отказ от их рождения:

«У меня все-таки родственников много, есть такие консервативные люди. Например, дядя сказал, что старая уже стала – какое тебе учиться, замуж надо выходить. ... Именно поэтому я не хочу туда ехать, тебе приписывают роль, ты должна быть мамой, женой, должны быть дети. Я себя по-другому представляю (Т., 28 л., Горно-Алтайск, Республика Алтай – Томск – Москва)»;

«Если бы я осталась в Волгограде... я думаю, было бы куда больше давления со стороны родственников, кто там есть, может быть не очень близких, на тот предмет, почему ты до сих пор не замужем, а почему ты еще не родила детей, поэтому тут я не чувствую никакого давления в этом... На жизненные установки, наверное, очень Москва влияет, – на то, что люди стараются построить карьеру, даже если они не карьеристы. Просто это же – Москва, мир возможностей, правильно... Мне кажется, большинство людей, которые остались в Волгограде, которых я знаю, завели семьи и уже – детей (Е., 32 года, Волгоград – Москва – Брюссель)».

4. Выводы

Проведенное количественное и качественное исследование молодежной миграции в России частично подтвердило сформулированную ранее гипотезу о влиянии межрегиональной миграции на развитие молодых людей, на очередность и выбор времени наступления многих ключевых событий на их жизненном пути. Миграция позитивно влияет на построение карьеры, размер дохода; делает молодых людей самосто-

ательнее, заставляя их опираться в большей степени на собственные силы, а не на поддержку родителей. Миграция меняет репродуктивные стратегии, заставляя откладывать рождения и влияя на текущее число детей, имеющихся в семьях молодых людей. Однако мы склонны полагать, что речь идет в большей степени именно об откладывании, а не отказе от рождений, так как, например, исследования по Москве показывают, что при откладывании деторождения в первые после миграции годы итоговое число рожденных детей в семьях женщин-мигранток выше, чем в семьях женщин, родившихся в Москве (Малева, Тындик, 2014). При этом значимого влияния на брачные стратегии выявлено не было, хотя в целом вступление в брак и рождаемость тесно связаны. Это – еще один аргумент в пользу гипотезы об откладывании времени рождения детей.

В процессе исследования мы не ограничивались анализом влияния миграции на перечисленные демографические события, карьеру и заработную плату, но, как показали расчеты, именно они показали значимую связь с участием молодежи в межрегиональной миграции.

Мы понимаем, что используемые количественные данные не позволили напрямую сравнить людей, которые покинули в молодом возрасте тот или иной регион или поселение и остались на месте. Мы сравниваем в целом имеющих миграционный опыт к моменту опроса и еще не решившихся на переезд вне зависимости от того, где они проживали ранее и где проживают сейчас. Понятно, что среди мигрантов больше тех, кто переехал в привлекательные в миграционном отношении регионы и города (Москву, Санкт-Петербург и т.п.), среди немигрантов – тех, кто остался проживать в малом городе или поселке. Более детальные сравнения, например тех, кто уехал, с теми, кто остался, при условии их сопоставимости, могут послужить направлением дальнейших исследований, возможных при появлении новых данных. Мы же констатируем, что мигранты, переехав в мегаполисы, получают выгоду в плане доходов и карьерного роста уже самим фактом переезда, а не благодаря отличным индивидуальным характеристикам и способностям. Влияние последних на используемые в работе данные мы оценить не можем.

В целом миграционный опыт оценивается информантами, принявшими участие в глубинных интервью, безусловно, положительно. Это проект, который изменил жизнь как самих молодых мигрантов, так и их сверстников, о миграционном опыте которых они упоминали в интервью.

«Для некоторых это – проект по миграции, реально проект. ...Есть люди, которые сами («Мама, я поехал, до свидания») встречаются со всеми проблемами, которые могут быть в жизни. Это проект, насколько хорошо он подготовился к этому проекту, от этого будет зависеть простота и комфортность дальнейшего пребывания в новой реальности, куда он мигрировал. ...Я очень мало историй знаю, очень мало, где ребята чего-то не добивались, если ты

мигрируешь, ты меняешь на сто восемьдесят градусов свою жизнь, и обратно пути нет. Большой частью все истории у меня именно такие (Ю., 30 лет, Чита, Забайкальский край – Санкт-Петербург).»

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С.** (2014). Миграционные планы выпускников региональных вузов России // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. № 3. С. 36–58. [Varshavskaya E., Chudinovskikh O. (2014). Migration plans of graduates of regional universities of Russia. *Moscow University Economics Bulletin*, 3, 36–58 (in Russian).]
- Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В.** (2019). «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ. [Gabbrakhmanov N., Nikiforova N., Leshukov O. (2019). “From Volga to Yenisei...”: Educational migration of youth in Russia. Moscow: NRU HSE (in Russian).]
- Долгова А.А., Митрофанова Е.С.** (2015). Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект // *Экономическая социология*. № 16 (5). С. 46–76. [Dolgova A., Mitrofanova E. (2015). Leaving the parental home in Russia: Intergenerational aspects. *Journal of Economic Sociology*, 16 (5), 46–76 (in Russian).]
- Замятина Н.Ю.** (2012). Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте» // *Региональные исследования*. № 2 (36). С. 15–28. [Zamyatina N. (2012). The method of studying the migration of young people on these social networking web: Tomsk state university as “a center of production and distribution” of human capital (according to the social online network “vkontakte”). *Regional Studies*, 2 (36), 15–28 (in Russian).]
- Захаров С., Сурков С.** (2009). Миграция и рождаемость в России // *Демоскоп Weekly*. № 399–400. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema01.php> [Zakharov S., Surkov S. (2009). Migration and fertility in Russia. *Demoscope Weekly*, 399–400 (in Russian). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema01.php> (in Russian).]
- Казенин К.И.** (2017). Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели (обзор зарубежных исследований) // *Демографическое обозрение*. № 4 (4). С. 6–79. [Kazenin K. (2017). Fertility in the families of migrants: Data, hypotheses, and models (foreign literature review). *Demographic Review*, 4 (4), 6–79 (in Russian).]
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.** (2017). Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. № 2. С. 74–80. [Karachurina L., Mkrtychyan N. (2017). Long-term internal migration of population in Russia and other countries. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, 2, 74–80 (in Russian).]

- Малева Т.М., Тындик А.О.** (2014). Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные? // *Регион: Экономика и Социология*. № 2 (82). С. 116–136. [**Maleva T., Tyndik A.** (2014). The low birth rate trap in Moscow: Highly-educated childfree? *Region: Economics and Sociology*, 2 (82), 116–136 (in Russian).]
- Мкртчян Н.В.** (2018). Возрастной профиль внутрirosсийской трудовой миграции и иных форм пространственной мобильности населения // *Региональные исследования*. № 1 (59). С. 72–81. [**Mkrtychyan N.V.** (2018). Age profile of Russian internal labor migration and other forms of spatial population mobility. *Regional Studies*, 1 (59), 72–81 (in Russian).]
- Население России 2010–2011: Восемнадцатый–девятнадцатый ежегодный демографический доклад (2014). А.Г. Вишнеvский (отв. ред.). М.: НИУ ВШЭ. [*The population of Russia 2010–2011: The Eighteenth–Nineteenth Annual Demographic Report* (2013). A. Vishnevsky (ed.). Moscow: NRU HSE (in Russian).]
- Флоринская Ю.Ф.** (2017). Выпускники школ из малых городов России: образовательные и миграционные стратегии // *Проблемы прогнозирования*. № 28 (1). С. 114–124. [**Florinskaya Yu.** (2017). School graduates from small towns in Russia: Educational and migration strategies. *Studies on Russian Economic Development*, 28 (1), 114–124 (in Russian).]
- Benson M., O'Reilly K.** (2009). Migration and the search for a better way of life: A critical exploration of lifestyle migration. *Sociological Review*, 57 (4), 608–625. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2009.01864.x
- Bernard A., Bell M., Charles-Edwards E.** (2014). Improved measures for the cross-national comparison of age profiles of internal migration. *Population Studies*, 68 (2), 179–195. DOI: 10.1080/00324728.2014.890243
- Boyle P.J., Kulu H., Cooke T., Gayle V., Mulder C.H.** (2008). Moving and union dissolution. *Demography*, 45 (1), 209–222.
- Cantalini S., Panichella N.** (2019). The fertility of male immigrants: A comparative study on six Western European countries. *European Societies*, 21 (1), 101–129. DOI: 10.1080/14616696.2018.1511820
- Chen Y., Rosenthal S.S.** (2008). Local amenities and life-cycle migration: Do people move for jobs or fun? *Journal of Urban Economics*, 64 (3), 519–537. DOI: 10.1016/j.jue.2008.05.005
- Ciriaci D.** (2014). Does University Quality Influence the Interregional Mobility of Students and Graduates? The Case of Italy. *Regional Studies*, 48 (10), 1592–1608. DOI: 10.1080/00343404.2013.821569
- Cooke T.J., Boyle P.** (2011). The migration of high school graduates to college. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, 33 (2), 202–213. DOI: 10.3102/0162373711399092
- Faggian A., Comunian R., Li Q.** (2014). Interregional migration of human creative capital: The case of “Bohemian graduates”. *Geoforum*, 55, 33–42. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.05.003
- Fielding A.** (1992). Migration and social mobility: South East England as an escalator region. *Regional Studies*, 26 (1), 1–15. DOI: 10.1080/00343409212331346741
- Findlay A.** (2011). An assessment of supply and demand-side theorizations of inter-

- national student mobility. *International Migration*, 49 (2), 162–190. DOI: 10.1111/j.1468-2435.2010.00643.x
- Geist C., McManus P.** (2008). Geographical mobility over the life course: motivations and implications. *Population, Space and Place*, 14 (4), 283–303. DOI: 10.1002/psp.508
- Hickman D.C.** (2009). The effects of higher education policy on the location decision of individuals: Evidence from Florida's Bright Futures Scholarship program. *Regional Science and Urban Economics*, 39 (5), 553–562. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2009.04.002
- Kashnitsky I., Mkrtchyan N., Leshukov O.** (2016). Interregional migration of youths in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistics. *Educational Studies*, 13(3), 169–203. Available at: <https://vo.hse.ru/en/2016-3/191146729.html>
- Lindstrom D.P., Hernandez-Jabalera A., Giorguli Saucedo S.** (2020). Migration, Family Formation and Fertility in the Americas. *International Migration Review*. DOI: 10.1177/0197918320923353
- Nowok B., Ham M. van, Findlay A.M., Gayle V.** (2013). Does migration make you happy? A longitudinal study of internal migration and subjective well-being. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 45 (4), 986–1002. DOI: 10.1068/a45287
- Pelikh A., Kulu H.** (2018). Short- and long-distance moves of young adults during the transition to adulthood in Britain. *Population, Space and Place*, 24(5), e2125. DOI: 10.1002/psp.2125
- Plane D.A., Heins F.** (2003). Age articulation of U.S. inter-metropolitan migration flows. *The Annals of Regional Science*, 37(1), 107–130. DOI: 10.1007/s001680200114
- Sage J., Evandrou M., Falkingham J.** (2013). Onwards or homewards? Complex graduate migration pathways, well-being, and the 'parental safety net'. *Population, Space and Place*, 19 (6), 738–755. DOI: 10.1002/psp.1793
- Sandow E., Lundholm E.** (2019). Which families move out from metropolitan areas? Counterurban migration and professions in Sweden. *European Urban and Regional Studies*, 27 (3), 276–289. DOI: 10.1177/0969776419893017
- Vakulenko E., Mkrtchyan N.** (2020). Factors of interregional migration in Russia disaggregated by age. *Applied Spatial Analysis and Policy*, 13 (1), 609–630. DOI: 10.1007/s12061-019-09320-8
- Vidal S., Lutz K.** (2018). Internal migration over young adult life courses: Continuities and changes across cohorts in West Germany. *Advances in Life Course Research*, 36, 45–56. DOI: 10.1016/j.alcr.2018.03.003
- Whisler R., Waldorf B., Mulligan G., Plane D.** (2008). Quality of life and the migration of the college-educated: A life-course approach. *Growth and Change*, 39 (1), 58–94. DOI: 10.1111/j.1468-2257.2007.00405.x
- White A.** (2009). Internal migration, identity and livelihood strategies in contemporary Russia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 35 (4), 555–573. DOI: 10.1080/13691830902765095

Поступила в редакцию 21.02.2021

Received 21.02.2021

M.A. Kartseva

Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

N.V. Mkrtchyan

HSE University; Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Y.F. Florinskaya

Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; HSE University, Moscow, Russia

Interregional migration and life strategies of the Russian youth

Abstract. There is lack of studies associating youth migration with a life course in Russia. The article aims to reveal the effect of interregional migration on the life course of young adults (23–34 y.o.) using the data from the nationally representative survey “Person, Family, Society” undertaken by RANEPА in 2020 and data from in-depth interviews with young people who moved to Moscow, St. Petersburg, Tomsk, Voronezh to get higher education. In the study interregional migrants are defined as people for whom current region of residence differs from the region where they completed secondary education. Our results suggest that migration is a strong factor of personal growth for youth. The comparison of young migrants with non-migrants demonstrates that the interregional migration have a distinct positive effect on career success, income level and promote greater independence and relying on your own resources, solving housing issues among them. The comparison of young migrants and non-migrants demonstrates that the interregional migration has a distinct positive effect on career success, income level and promote greater independence and self-reliance including resolving the housing problems. At the same time migration moderately affects marriage strategies but it contributes to the postponement of childbearing.

Keywords: *migration, non-migrants, youth, life course, Russia.*

JEL Classification: J11, R23.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-7